

18+

АРТЁМ ГОЛОВИН

ЦИМКЕТОРА

НИКТО И НИКОГДА НЕ УЗНАЕТ О ЛУЧШИХ, ХОТЯ ОНИ СУЩЕСТВУЮТ. ЛУЧШИЕ, КАК ИСТИННЫЕ МОТИВЫ — НЕ АФИШИРУЮТСЯ. НИКАКИХ НИТЕЙ И СЛЕДОВ, ВЕДУЩИХ К НИМ, ПРОСТО НЕТ. ЗАТО НА ВИДУ ВСЕГДА ЛИШЬ ПОДПРАЖАТЕЛИ И ДИЛЕТАНТЫ.

18+

Артём Головин Цимкетора

<https://litres.ru/73872011>

ISBN 9785006980464

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта история началась в 2010 году в моем родном городе, когда однажды октябрьским днем, возвращаясь домой из школы, пропала маленькая девочка. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ЦИМКЕТОРА	5
Артём Головин	5
Москва, 2025	6
Дисклеймер	7
Глава 1	17
Глава 2	59
2010: Год учителя в России	59
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Цимкетора

Артём Головин

© Артём Головин, 2026

ISBN 978-5-0069-8046-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЦИМКЕТОРА

Артём Головин

Москва, 2025
Посвящается
моим родителям

Дисклеймер

Данная книга носит развлекательный характер.

В ней могут присутствовать сцены насилия и нецензурная лексика. Автор не ставит цель кого—то оскорбить. В основе сюжета лежат реальные события, однако, все персонажи, диалоги, второстепенные сюжетные линии, детали и обстоятельства, представленные в произведении, являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными лицами, живыми или умершими, организациями или ситуациями являются случайными. Автор не претендует на историческую достоверность в части вымышленных элементов.

Настоящее издание содержит материалы, частично основанные на информации из открытых источников интернета. Автор стремился максимально тщательно проверить и верифицировать все заимствованные данные, однако не может гарантировать абсолютную точность и актуальность всей представленной информации.

Все текстовые, графические и иные материалы, взятые из открытых источников, использованы в соответствии с принципами добросовестного использования и в пределах, установленных действующим законодательством. Автор выражает благодарность всем создателям контента, чьи материалы были использованы при подготовке данной книги.

Незаконное потребление наркотических средств, психо-

тропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законодательством ответственность.

18+

Пролог

Эта история началась 2010 году в моем родном городе, когда однажды октябрьским днем, возвращаясь домой из школы, пропала маленькая девочка.

Стояла чудесная осень, время года, когда природа медленно прощалась с теплом лета и готовилась к зимнему сну. Листва деревьев уже окрасилась в яркие оттенки желтого, оранжевого и красного. Дни стали короче, а ночи длиннее. Это было время меланхолии, с её тихими дождливыми днями и приближающейся зимней стужей. Это было время размышлений и переходящий момент, когда жизнь замедлялась, чтобы позже возродиться с приходом весны.

Именно в такой день и пропала девочка.

Я, погружённый в свои мысли, закутанный в шарф, поглядывая на наручные часы, бежал в офис в надежде успеть к девяти утра. Надежда таяла с каждой минутой.

В своей конторе я трудился операционным менеджером, поэтому изо всех сил старался не опоздать, ведь ровно в девять нужно было стоять в офисном коридоре и вместе со

всеми слушать гимн компании. Иначе бы мне влетело! Ибо только руководство задерживается, а я нагло опаздывал.

Понятия не имею, чей блестящий ум придумал эту затею с гимном, но эта практика распространилась по всем подразделениям. Руководство считало, что это укрепит командный дух, повысит продажи и сплотит коллектив. Строчки этой композиции настолько въелись в мою память, что, если меня разбудить ночью и попросить спеть эту песню, я отчеканю текст без запинки. И про силу, и про всё остальное. С чувством, с толком, с расстановкой.

Филиал, в котором я работал, был скромным региональным представительством, затерявшимся на окраине города. Никаких особых притязаний на значимость — самое обычное местечко. Коллектив в основном состоял из местных бабулек, которые от безденежья решили подработать.

Что касается меня, то в тот период я уже не питал иллюзий насчёт карьерных высот — хватало того, что я получал зарплату за то, что регулярно приходил в офис вовремя. Но не в этот раз.

В холле, по стойке смирно стояли коллеги и на их кислых лицах читалось «воодушевление» предстоящей работой. Колонки гремели: «...на все времена...». Я почувствовал себя в расстрельном коридоре — кто—то недружелюбно пялился, кто—то прятал улыбку.

Плевать!

Прошмыгнув в помещение, выдохнул. Все эти социаль-

ные взаимодействия вызывали у меня приступы раздражения. Захлопнулась дверь, и музыка стихла.

— Доброе утро! — раздался звонкий голос за моей спиной.

Следом за мной в кабинет впорхнула Даша — моя подруга по работе.

Даша была типичной девчонкой из провинциального городка, где каждый день похож на предыдущий. Мама растила её одна. Денег вечно не хватало, покупали лишь всё самое необходимое. Росла Даша, мечтая о другой жизни, и о принце на белом коне, который увезёт её подальше от однообразия и рутины.

Её бесконечные поиски второй половинки давно стали привычным явлением. Фраза «Где же он, мой принц?» превратилась в своеобразную мантру, которую она повторяла снова и снова. Она вечно с грустной моськой и глазами, полными ужаса, рассуждала, что было бы, останься она в своём родном городке. Рассказывала, что её мать всю жизнь проработала на заводе, родила детей от разных мужчин (своего отца она не знала), а сейчас бесцельно переключает телеканалы, будто пытаясь убежать от реальности.

И всё приговаривала: «Только не я! Только не такая фигня!»

Мой родной город казался ей волшебной страной, где исполняются мечты. Она надеялась на то, что станет успешной — выйдет замуж за богатого бизнесмена и будет жить как в

сказке. И неважно, какой ценой. Главное — вырваться, а там уж жизнь сама всё расставит по местам.

Но эти мечты разбивались о суровую реальность. Город встретил её съемной квартирой с тараканами, низкооплачиваемой работой и экономией. Отступать было уже нельзя — дома ждали насмешки подруг и осуждение матери.

В первом (неудачном) браке у Даши родилась дочка — Настя. Ну что поделывать, пришлось Даше спихнуть дочку на бабушку. Старушка присмотрит, пока она сама карьеру строит да принца на белом коне ищет. Она ведь не хотела повторить мамину судьбу — вот и решила на такой шаг. Хотя, конечно, расставаться с ребёнком было ох как непросто.

Так и жила Даша — между прошлым и будущим, между мечтой и реальностью, между любовью к дочери и желанием вырваться из провинции. И, наверное, верила, что однажды всё получится, что все жертвы будут не напрасны, а новая жизнь окупит всё — и слёзы, и разлуки, и разбитые сердца.

Время расставит всё на свои места...

Ещё со мной в кабинете работала женщина сорока пяти лет, — Светлана. Очень воспитанная и тихая. Она занималась операционкой и в её обязанности входило занесение в программное обеспечение договоров страхования.

Мне Света нравилась, потому что она была очень наивной. Эта её детская непосредственность очаровывала. Она была из тех, кого называют «взрослые дети». Света вечно витала в облаках, словно прилетела с другой планеты. Её как

будто не касались обычные дела и заботы — ей вообще было плевать на повседневность.

Когда я зашел в кабинет, — Светлана плакала.

Я растерялся и остолбенел.

— Ребята, у вас обед с собой, или есть другие варианты?

— Даша заметила заплаканную Светлану и перевела на меня удивлённый взгляд.

— Что случилось, Артём?

Я пожал плечами:

— Не знаю.

— Преступления, совершённые против детей, самые гнусные и тягчайшие из всех возможных! — тихо произнесла Света, шмыгая носом. — У нас слишком гуманные законы по отношению к насильникам и педофилам! Считаю, за такое преступление возможно только одно наказание — смерть.

Мы опешили. Светлана подняла на нас глаза. Увидев наши вытянутые лица, удивлённо спросила:

— Вы что не знаете, что произошло?

— Нет! — хором ответили мы.

— Вчера пропал ребенок. Девочка училась со второй смены. Её начали искать лишь вечером — когда родители пришли с работы и не застали её дома...

— Да—да, я видела листовки в автобусе. Бедняжка... — пробормотала Даша.

— Прошёл только день, а ты говоришь о ней так, как буд-

то бы её нет в живых. Но ведь ничего ещё не известно! Возможно, она поссорилась с родителями и убежала ночевать к подруге. Или уехала к бабушке, а у той нет телефона? Зрядку девочка с собой не взяла и её телефон сел... и такое случается! — размышлял я вслух, хотя мне от этого разговора хотелось вздёрнуться.

Нашли тему для обсуждений!

— Артём несмотря на то, что в большинстве случаев дети возвращаются домой, из тех детей, которые числятся «пропавшими без вести» статистика остаётся страшной — свыше тысячи несовершеннолетних так и не найдены. Первые 48 часов после исчезновения ребенка наиболее важны для поиска... Потом шансы найти ребенка живым стремятся к нулю. — мрачно, но уверенно ответила Света.

— Свет, 48 часов ещё не прошли... — Потупил взгляд я. Не ожидал от Светы такой прямолинейности.

В комнате воцарилось тяжелое молчание.

— Не прошли... — она грустно улыбнулась. — Скажи, всё будет хорошо?! — Света посмотрела на меня, в её глазах теплилась надежда.

Но у меня не было ответа на этот вопрос.

— Ну, я пойду работать. Если что, готова поддержать любое ваше решение по поводу обеда! — Даша быстренько скрылась за дверью.

— Ладно. Напишу в WhatsApp. — крикнул я вдогонку.

***

Когда происходит такое происшествие и тебя оно не касается — всё не кажется таким страшным. Ты думаешь — это жизнь. В жизни бывает всё. Такая судьба. Люди часто стараются избежать сильных эмоциональных переживаний, связанных с чужими бедами. Это своего рода защитный механизм: если человек не вовлекается в чужое горе, он меньше страдает сам. Других терзает страх перед собственной уязвимостью: ведь это может случиться и с ним. Или может так они оправдывают свое бездействие и снижают чувство вины?

А многие просто погружены в свои проблемы настолько, что ничего не замечают вокруг.

И это был мой случай.

По городу было расклеено огромное количество ориентировок: «ВНИМАНИЕ, пропал ребенок!». Они были на каждом дереве, здании, витринах магазинов, в общественном транспорте.

Но у меня были свои заботы и трудности. Я был настолько поглощён ими, что на чужие проблемы просто не оставалось сил и эмоций. Это не касалось меня. И мне было всё равно...

Спустя несколько часов напряжённой работы, я вышел на улицу — этот день наконец закончился. Устало достал сигарету из пачки, поднёс к носу и, уловив знакомый аромат табака, зажёг зажигалку.

На против офиса находилась школа. Каждый раз, стоя здесь с сигаретой, я наблюдал за детьми на спортплощадке и размышлял: у них всё ещё впереди. Мысли переходили и к

моей семье, к будущим детям — хотелось верить, что и они найдут свой путь.

«У этой девочки тоже впереди была целая жизнь», — я поймал себя на мысли, что думаю о пропавшей в прошедшем времени. Моё настроение окончательно испортилось — вроде как я решил для себя, что она больше не вернётся домой, хотя несколько часов назад пенял об этом Свете.

Тревожные мысли роились в голове подобно вороньей стае, кружащейся над полем битвы...

Я шёл домой быстрым шагом. Телефон в кармане вибрировал: наверняка снова звонит Люба. Отвечать не стал — мы давно расставили все точки над «и». Не понимаю, что ей ещё нужно.

А вот и знакомый перекрёсток. Светофор мигал жёлтым. Где-то вдали слышался гул машин. Последний разговор с Игорем и его эти странные «увлечения» не выходили у меня из головы. Я не смотрел по сторонам. Просто рванул вперёд, поглощённый своими мыслями.

Толчок.

Меня швырнуло в сторону. Я упал на обочину, ударился локтем, спиной, головой — и замер.

Тишина.

Сердце билось, как набат — гулко отдаваясь в ушах, в груди, во всём существе. Я приоткрыл глаза. Машина стояла в метре от меня. Из автомобиля выскочил бледный и дрожащий водила:

— Ты... ты жив?

Я промолчал. Лежал, уставившись в небо: серое, придавленное к земле, с лохмотьями облаков. Город шумел вокруг: гудели автомобили, возмущённые тем, что я устроил на дороге. Чужие взгляды кололи спину, а в выражениях лиц ясно читалось одно слово: «Идиот».

«Я мог умереть», — подумал я.

Не в теории.

Не потом.

А вот прямо сейчас — через миг.

И всё, что казалось таким важным — мои обиды и проблемы, этот чёртов разговор с Игорем, который я прокручивал в голове уже час, — всё вдруг стало крошечным, ничтожным, как песчинка.

Водитель что-то говорил, но я не слышал. Поднялся на ноги. Ноги дрожали.

— Парень, ты в порядке? — он тронул меня за плечо.

— Нормально, — прошептал я. — Просто... задумался.

Он выдохнул, вытер ладонью лоб:

— Думай в другом месте, ладно?

Вслед донеслось чуть тише: «Долбоёб...»

Я кивнул.

Сделал шаг. Потом ещё один.

Не сбавляя шага, достал сигарету, чиркнул зажигалкой...

Глава 1

2008: Год семьи в России

2009: Год молодежи в России

Страна постепенно отходила от кризиса 2008 года. Он получил название Великой рецессии и был связан с проблемами субстандартного ипотечного кредитования в Штатах. Стартовал с обвала западного рынка недвижимости. Катастрофические последствия этого события не ограничились одной страной: под угрозой оказались крупнейшие финансовые институты — банки, ипотечные организации и страховые компании, что создало реальную угрозу краха всей мировой финансовой системы.

Официально рецессия в Штатах продолжалась с конца 2007 года до середины 2009 года, хотя её отголоски ощущались в некоторых странах до 2011 года. Кризис серьезно ударил по мировой экономике: ВВП развитых стран сократился на 3,4% (по паритету покупательной способности). В развивающихся странах экономический рост резко замедлился — с 5,8% в 2008 году до 2,8% в 2009 году. Россия пережила одно из самых сильных падений — ВВП сократился на 7,9% в 2009 году. После кризиса большинство стран так и не смогли вернуться к прежним темпам экономического развития.

Обстановка в стране была напряженной, люди доходили до отчаяния: кто—то выбрасывался из окон, кто—то вешал-

ся — они не могли справиться с финансовыми потерями. У многих в то время была ипотека в долларах, и это делало их положение еще более отчаянным.

Атмосфера в моём родном городе стояла просто удушающей. Большинство вместо нормальной зарплаты месяцами получали лишь пустые обещания и мизерные подачки — жалкие две — три тысячи рублей в месяц.

Начались массовые сокращения и отправки в неоплачиваемые отпуска.

В 2009 году экономический кризис добрался и до меня. Хотя прямого увольнения мне удалось избежать, но руководство пошло на хитрость: подруге директора нашего агентства срочно понадобилась должность, так как её уволили с предыдущего места работы. Меня «благополучно» перевели с позиции Руководителя направления по развитию бизнеса на должность, располагающуюся на два ранга ниже в корпоративной иерархии, что привело к сокращению заработной платы. Таким образом, из управленца я превратился в обычного менеджера в операционном отделе. Моей задачей был учёт договоров ОСАГО в системе компании. В те времена цифровые продажи только начинали развиваться. Но в нашем офисе всё оформлялось ещё на бумаге.

С новым окладом коммунальные платежи казались просто астрономическими, денег ни на что не хватало, и постепенно начали накапливаться долги. Мне пришлось пользоваться кредитками.

Слава богу, у нас не было ипотеки. Квартира, в которой мы жили с Любой, принадлежала её бабушке. А мы планировали оформить ипотеку после того, как в нашей семье появится ребёнок — чтобы попасть в программу государственной поддержки молодых семей. Больше двух лет мы с Любовью делили один дом, один быт — в общем, всё по — серьёзному.

Я скрыл от жены произошедшее понижение в должности и поначалу умудрялся сохранять привычный уровень жизни, используя свои сбережения и урезав собственные расходы до минимума. То есть, полностью отказался от покупок для себя и постоянно себя ограничивал. Удар по самооценке оказался настолько сильным, что я замкнулся в себе окончательно.

В это же время я пытался убедить Любу начать искать работу. После свадьбы она хотела устроиться куда—то, но передумала — готовилась к предстоящей беременности. Мы очень хотели ребёнка, правда! И Любино сердце стремилось совсем к другой роли: она хотела стать матерью, заботиться о доме и семье и хранить семейный очаг. А работу воспринимала как вынужденную необходимость. Радости и удовлетворения она ей не приносила.

Меня вполне устраивал этот выбор (до кризиса), но реальность диктовала свои условия. Я считал, что из—за нестабильной экономической ситуации она должна отложить мечту о материнстве. И предложил компромисс: посвятить год

работе, накопить определённую сумму, укрепить наше финансовое положение, а затем спокойно уйти в декрет.

«Дополнительные выплаты тоже важны для семейного бюджета», — говорил я ей! Но желание Любы было непоколебимым: она страстно мечтала о ребёнке именно сейчас. Пилила меня тем, что моя задача как мужчины обеспечить семью. Под гнётом этого давления стресс постепенно накапливался, парализуя мои чувства и желания. Меня охватил страх, что Люба забеременеет, а я не смогу достойно содержать ребёнка, поэтому я всё чаще уклонялся от секса. Она не слышала меня, а мне не хотелось подвергнуть своего будущего малыша испытаниями бедностью.

Конечно, я пытался всё исправить: искал новую работу и подрабатывал, где только было возможно. Но реальность была жестокой — рынок был переполнен такими же несчастными, готовыми на всё ради трудоустройства и нормальной зарплаты.

Именно эта тайна и эта недосказанность, в том числе и разрушила наш брак.

Наши жизненные приоритеты были разными. И я подсознательно стремился к этому разрыву, желая избавиться от необходимости притворяться. Меня изнуряла ложь.

В очередной раз мы поссорились с Любой накануне, и эта ссора стала началом конца. Всё началось с обычного семейного ужина — она сварила суп. Я попробовал — бульон казался пресным, как дождевая вода. Попросил передать соль,

на что получил категоричное возражение: «Артём, суп нормальный!». Её глаза сверкали вызовом, и она раздражённо опустила ложку в тарелку.

Я молча досалил.

Она обиделась!

И тут я понял, почему перестал чувствовать себя счастливым. Просто в этот момент пелена спала с моих глаз. Наша жизнь превратилась в бесконечную череду мелких споров. Жена всё время спорила со мной ради спора. Она и раньше была такой, просто я был влюблён и не замечал этого — эти споры казались милой особенностью её характера. Теперь же они превратились в непреодолимую стену между нами.

Я не выдержал и сказал то, о чём давно думал: «Нам нужно развестись...» Ну конечно, она как обычно, сразу всё свела к банальщине — решила, что я развожусь из—за недосоленного супа. Рассказала об этом всем близким и друзьям. Наверное, хотела представить себя жертвой абсурдного решения.

А я понял смысл выражения «последняя капля».

Сегодня был день серьёзного разговора с Любой о нашем будущем.

Что делать нам дальше? Как справиться с этим эмоциональным хаосом и ментальным трэшем, который неизбежно последует?

В отношениях часто бывает сложно разобраться, где заканчиваются объективные факты и начинаются наши соб-

ственные проекции и интерпретации.

Мне казалось, что Люба сама провоцирует конфликты, но это могло быть как её стратегией, так и моим восприятием ситуации. Может быть, она действительно искала способы создать напряжение, чтобы не брать на себя ответственность за разрыв — это был её защитный механизм. То есть она просто хотела сохранить лицо.

С другой стороны, человеку свойственно искать причины проблем вовне, вместо того чтобы признать свою причастность к конфликту. И я бессознательно тоже избегал ответственности, признаюсь. Но какая—то часть меня даже жаждала этого разрыва, стремилась к этому странному ощущению жертвы.

Я словно искал повод пострадать, почувствовать себя отвергнутым, как будто боль могла стать доказательством того, что моя жизнь имеет смысл. Пора отпустить прошлое, даже если это причинит боль — наверное, именно такая боль была мне сейчас необходима.

Я устал.

***

В 2009 году российский страховой рынок пережил ряд знаковых событий, оказавших значительное влияние на дальнейшее развитие всей отрасли страхования.

В марте 2009 года стартовала реформа ОСАГО, её главной задачей было прямое возмещение убытков и возможность заявления мелких убытков без справок ГИБДД с ме-

ста ДТП (так называемый «европейский протокол») ну и запустилась «Зелёная карта». РСА принял полномочия национального бюро.

Нашему отделу поставили задачу реализовать принятые изменения.

Я вышел из офиса, достал телефон, чтобы проверить сообщения, и тут заметил, что в пачке осталась всего одна сигарета. Пришлось вернуться за рюкзаком — нужно было заскочить в магазин.

Уже несколько часов я не мог сосредоточиться на задачах. В голове, как заезженная пластинка, крутились фрагменты нашей последней ссоры с женой. Почему я сказал именно это? Почему не сдержался? Ведь знал же, что она так остро реагирует на подобные темы...

Люба написала утром, что нам нужно обсудить всё спокойно. Но как тут будешь спокойным, когда внутри всё кипит?

— Тёма, угости сигаретой, я забыла купить, — Даша куталась в шарф.

Меня передёрнуло от её грубого вмешательства в мою приватность. И я немного замялся, потому что знал — у меня осталась всего одна сигарета в пачке. Но отказать не смог.

— Только одна осталась, — признался я. — Может, поделим?

— Привет! — на нашем постоянном месте для перекура появился аналитик. Он протянул мне свою тощую ладонь.

— Привет, — отозвался я, понимая, что не помню, как его зовут.

Да и не были мы с ним толком знакомы. Он всегда держался особняком. И в те редкие минуты, когда мы встречались на перекуре, он молчал. Мы просто стояли рядом, глядя куда—то вдаль, словно два усталых детектива после раскрытия сложного дела. Эта тишина, между нами, не давила, а наоборот — была какой—то естественной что ли, будто мы так и должны были молчать, думая каждый о своём.

«Угостишь?» — с игривой ноткой в голосе спросила Даша, обращаясь к аналитику, и её лицо засияло от радости, когда он достал и протянул ей сигарету из пачки.

Сколько ему лет?

Обычно замкнутый и неразговорчивый аналитик мгновенно преобразился: Он хихикал, активно махал руками и явно хотел продолжить разговор с Дашей. Я его не узнавал!...

А Даша... Она была как всегда прекрасна, но сегодня в её поведении появилась особая кокетливость. Они буквально дышали друг другу в затылок и шутили без остановки. И эти их взгляды...

Я молча наблюдал за ними несколько минут, переваривая увиденное.

Даша и Аналитик?

Серьёзно?

Ну его я понимаю, Дашка — потрясающая красотка, брю-

нетка с кудрявыми волосами, стройная и высокая, от таких у кого угодно поедет крыша. Но она—то что в нём нашла? Невзрачный, высокий, худой и неопределенного возраста. Загадка.

Настроения работать совершенно не было. В голове созрел план свалить нахрен от сюда. Ни минуты не думая, я повернулся в сторону дороги и быстро зашагал прочь от удивленных ребят.

— Артём, а ты куда? — крикнула Даша в спину.

— У меня встреча по европротоколу с лизингом, — соврал я, не задумываясь, — предупреди Алексея Александровича, что меня не будет до завтра, если он в офисе появится.

— Хорошо... — послышался за спиной растерянный голос Даши.

Ноги уносили меня прочь. Спустя минуту до меня дошло: я не занимаю руководящий пост, и моя ложь, мягко говоря, неправдоподобна. Да я и не заморачивался особо.

***

Не стал заходить домой, а направился в торговый центр. Центр носил название одного испанского мореплавателя итальянского происхождения, который в 1492 году открыл для европейцев Новый Свет.

Решил купить Любе цветы, наверное, чтобы как—то смягчить ситуацию. Пока флористка ловко собирала букет я понял, что хочу вернуться на два года назад и не ходить на свадьбу к другу, где мы с ней познакомились.

У кого есть машина времени?!

Короче, наш брак превратился в какую—то сплошную путаницу с правилами и требованиями, которых я вообще не понимал. Всё чаще я ловил себя на мысли: а вдруг Люба не та, с кем я хочу быть? Может, это просто привычка, а не любовь?

Люба нелюбовь.

Есть над чем подумать.

И вот зачем Люба постоянно ставила передо мной новые вызовы, заставляя переступать через себя? Мой внутренний эгоист отчаянно сопротивлялся этим переменам! Комфорт так легко потерять и так сложно вернуть обратно.

Факт, после свадьбы она активно начала проявлять склонность к психологическому давлению, пытаясь установить надо мной полный контроль. Наверное, как и все женщины...

А потом я заметил, что часто просыпаюсь с мыслью о том, что устал от этой бесконечной игры в идеальную семью. Устал притворяться, что всё хорошо, когда на самом деле внутри меня бушевал ураган сомнений и противоречий.

Перед входной дверью я на какое—то мгновение замер, но потом собрался и вставил в замочную скважину ключ.

Щёлк.

Люба встретила меня у двери. Сухо кивнула, приняла букет.

— Спасибо.

Мне показалось, что я прочёл торжествующие нотки в её

глазах. Возможно, она расценила цветы как знак примирения с моей стороны. На столе стояла бутылка её любимого вина и закуска.

«Решила меня напоить?», — подумал я, и начал стягивать пальто.

— Как прошёл день?

— Как обычно, — отозвалась она, и после паузы, — Артём, давай спокойно всё обсудим. Хорошо? Обещай мне, что это будет честный разговор.

— Давай. Обещаю, — я присел на стул в кухне, открыл бутылку и разлил содержимое по бокалам.

— Послушай, — она нервно сглотнула, — неужели ты всерьёз хочешь разрушить наш брак из-за пустяковой ссоры? Всё, что мы строили годами... Ты же знаешь, что мы предназначены друг для друга, а ссоры — это естественно. — Её голос звучал нежно, но я чувствовал себя так, будто на меня надвигается бульдозер.

— Да... хочу.

На её глазах навернулись слёзы.

Я помолчал, давая ей время собраться с мыслями, а потом изложил свои доводы:

— Какой смысл биться головой о стену? Я больше не могу притворяться, что всё нормально, что можно просто перевернуть страницу и жить дальше, делая вид, что ничего не произошло, понимаешь? — мне хотелось её успокоить, но я словно прилип к стулу. — Давай просто продолжим жить

каждый своей жизнью? В дальнейшем нет смысла...

— Тём, разве ты не видишь, как я люблю тебя? Почему ты так дебильно поступаешь? Мы же можем всё наладить вместе! Я понимаю, что тебе сложно и всё такое. Может, я действительно многого прошу, но обещаю держать себя в руках — и всё станет как раньше... — она наигранно заплакала.

«Это ложь!», — подумал я, криво усмехнувшись.

Человеческая природа упряма и неподатлива — люди редко меняются по—настоящему, и Люба не станет исключением из этого правила. Да, на короткий срок она сможет надеть маску раскаяния, чтобы успокоить мои нервы, чтобы я поверил в возможность перемен. Но это будет лишь иллюзией. Потом всё войдет в колею, и она также будет спорить со мной, давить чувством вины, пытаться манипулировать и шантажировать. Она не плохая, нет, просто она такой человек.

А мне хотелось отношений, в которых можно было быть собой, быть иногда слабым.

Вот с Любой невозможно было говорить о своих проблемах, переживаниях и страхах. Когда я пытался — то наткнулся на насмешки.

Всё эти установки из детства: «Не плачь, ты же мальчик!», «Не жалуйся, ты же мужик!», «Терпи!», «Превозмогай!», всю боль мужчина носит в себе. Никто нигде никогда не говорит, не пишет и не снимает кино про быт и проблемы мужиков. В массовом сознании этого нет. Ты всегда кому—то,

что—то должен.

— Нет, Люба, как прежде уже не будет... — покачал я головой.

Она пошмыгала носом и пошла в наступление:

— Ха, да ты тоже не без косяков, «Мистер совершенство»! Пока другие мужики развиваются, растут профессионально и балуют своих жён крутыми подарками, ты топчешься на месте и остаёшься лохом.

— Я лох?

— Да, именно ты! Мне стыдно перед подругами! Сам—то не особо преуспел! Машке — новый телефон, Светке — путешествия, а мне — твои грязные трусы и носки! Круто, да? — она всё больше распалялась.

— Я сам стираю свои трусы и носки, если что!

— Не надо строить из себя святого! Другие готовы горы свернуть ради своих женщин. А ты... ты импотент! — её голос звенел, щёки были красными, а глаза лихорадочно блестели.

— Да вроде всё работает ... — растеряно отозвался я.

— Если ты искренне извинишься, вот сейчас, то мы сможем начать всё заново. Давай, как прежде, простим друг другу обиды и начнём с чистого листа!

В её глазах стояли слёзы, но взгляд был тяжелый и колкий. Она пыталась выглядеть ранимой и беззащитной в этот момент, но мне была понятна эта игра. Очередная манипуляция. Мы оба это понимали, только в этот раз я не стал ей

подыгрывать.

Опустошив бокал одним глотком, она попыталась налить ещё, но не смогла. Я забрал бутылку из её ледяных рук, налил новую порцию и поставил бокал перед ней.

— Артём, — тихо произнесла Люба, — я не хочу тебя терять!

«Я не хочу ничего менять» — скорее так звучало истинное значение её слов...

Она впиалась взглядом в моё лицо, словно пытаясь прочесть мысли, а я... Я чувствовал, как мой разум отключился от происходящего. Всё превратилось в сплошной хаос, и её старания растопить моё сердце казались неестественными и искусственными. Я физически ощущал, как она осторожно прощупывала границы моей защиты, как будто готовилась к нападению.

— Мда, какой же ты лошара! — взорвалась она наконец. — Просто не представляю, как я прожила с тобой столько времени!

«Хватит уже на сегодня оскорблений!», — я, чувствуя, как внутри поднимается волна раздражения, рявкнул:

— Успокойся!

— Ты меня просто бесишь! — продолжала она, не стесняясь в выражениях. — Думаешь, ты особенный? Да кто вообще будет терпеть такого никчёмного лоха, как ты? А я, знаешь ли, уже завтра найду себе кого—то получше!

— Найди, — ответил я максимально равнодушно, чтобы

побесить её сильнее.

Пора заканчивать этот разговор.

— Вот и найду! — Люба резко поднялась со стула и заходила по кухне, продолжая свой монолог, — У тебя ни хрена нет! Пришёл в семью зять — нечего взять. Да ты и не стараешься заработать, сидишь в своей жалкой конторке и получаешь жалкие подачки! Если ты мужик, так исправляй ситуацию!

— Великолепно, — съязвил я. — Ты хочешь, чтобы я всё исправил, а минуту назад ты говорила, что такой лох как я, тебе не нужен! Я тебе дорог как человек, или только как писька и кошелёк?

— Господи, какой же ты конченный и тупой!

— Может быть я тупой, но не я истеричка в нашей семье!

Она резко остановилась, и её маленькие ручки произвольно сжались в кулаки.

— Пошёл нахуй от сюда, придурок! — взвизгнула она, — Я сказала, пошёл нахуй!

Люба схватила со стола бокал и кинула в меня. Наверное, целилась в голову. Я увернулся, бокал пролетел мимо, и, ударившись о стену, разлетелся на мелкие кусочки.

Я, быстро собрав вещи, выскочил из квартиры.

В след мне летели обидные оскорбления. Они, словно острые осколки стекла, царапали слух. Горькая обида смешивалась с разочарованием — мы так и не смогли найти общий язык, не сумели достойно прекратить отношения.

Меня начал разбирать дикий ржач. Такой нервный, что аж передергивало, вся эта ситуация казалась мне абсурдной. А следом накатило то самое удушливое чувство вины. «Может быть, действительно можно было что—то изменить? Можно было быть терпимее, попытаться ещё раз?», — эти мысли давили на плечи, словно тяжёлые камни. Вина за несостоявшийся диалог, за невозможность сделать отношения лучше, за то, что не хватило сил и терпения — все это смешивалось в ядовитый коктейль самобичевания.

И в этом хаосе эмоций я продолжал идти вперёд, оставляя за спиной не только физическое пространство, но и наш с Любой брак.

***

Какое—то время я побродил по району. Изрядно замёрз и проголодался. Уже стемнело, и мне срочно требовался ночлег. Хотелось согреться, но находиться на улице было небезопасно — райончик то считался криминальным.

Ноги сами привели меня к итальянскому ресторанчику. Итальянским в нём было только название. На деле это была обычная забегаловка с сомнительным контингентом: дешёвое вино, стандартная закуска и потрёпанная мебель. Из горячего подавали неплохую пасту карбонара (однажды мы с Любой здесь ужинали).

Я планировал тихий вечер в одиночестве, чтобы предаться грусти по жене, а может и пустить скупую мужскую слезу. Тихий вечер не задался: у входа я столкнулся с Дашей и

её кавалером с сайта знакомств (как потом выяснилось) и неожиданно для себя присоединился к их компании, хотя планировал только чай и поездку к сестре.

Парня, который пришёл на свидание к Даше, звали Игорем. Он работал системным администратором (читай специалист ИТ) в какой—то компании, которая занималась продажей алкоголя, офис которой располагался на пересечении улицы, названной в ознаменование тридцатилетнего юбилея Победы в Великой Отечественной войне и улицы, названной в честь рабочего и солдата, участника Первой мировой войны, трижды Георгиевского кавалера — Георгия Прокопьевича.

Помимо основной работы, Игорь подрабатывал охранником на стройке по вечерам. Объект был практически через дорогу от его основного места работы. И даже предложил мне место для подработки — дело не пыльное.

С первого взгляда я принял его за сорокалетнего мужика, но выяснилось, что он старше меня всего на два года. Видно, что он не особо следит за собой, да и с весом перебор — это его и состарило. При этом черты лица были привлекательными: он был похож на Рассела Кроу, русые волосы, голубые глаза, за исключением искривлённого носа (у актера нос был прямой).

Но мне всё равно было абсолютно непонятно, что Даша могла найти в этом Игоре, и как они пересеклись в пространстве.

Несмотря на странную внешность, чувак оказался прикольным собеседником. С ним было легко и просто. Мы так быстро нашли общий язык, что со стороны могло показаться — встретились старые друзья после долгой разлуки.

Незаметно для себя я нажрался до такого состояния, что не мог стоять. Кроме того, у меня случился «словесный понос».

Мужчины в принципе меньше фокусируются на эмоциях, а я вообще редко даю волю чувствам, но не в этот вечер: алкоголь развязал мне язык, а градусы стёрли внутренние запреты. И я выложил всё как на духу про Любу и наш предстоящий развод.

Даша участливо держала меня за руку и говорила, что всё наладится и я встречу другую. Игорь без конца подливал мне водку. Даша, вдохновлённая атмосферой, решила, что среди подруг найдет мне новую жену и (вроде бы) хотела зарегистрировать меня на сайте знакомств, но компьютера и интернета под рукой не оказалось. Поэтому мы все решили, что поедем домой к Игорю, так как у него был интернет и компьютер — в то время ещё не существовало мобильных приложений вроде Tinder, и все общались в браузерах.

Потом меня захлестнула буря негодования, и я обиженно доказывал Игорю, какой я молодец и какая она (Люба) нехорошая — не ценила, не любила, не поняла.

Всё это было на меня не похоже.

Где—то в районе полуночи и написал сообщение жене:

«Прости меня за то, что я не умею тебя любить несмотря на то, что я безумно тебя люблю». Сообщение осталось без ответа.

Минутная слабость?

Не—а.

На самом деле я просто выпендривался перед новым знакомым.

Так мы сидели пьяненькие и, перебивая друг друга, о чем—то рассказывали, спорили и смеялись. После полуночи воспоминания становились всё более размытыми: помню, как мы куда—то направлялись на такси, и я настойчиво пытался расплатиться, но так и не смог найти кошелёк. Последнее, что отложилось в памяти — изумлённое лицо Ники.

***

Этой ночью мне приснился странный сон. Во сне я был маленьким мальчишкой и находился в поезде. Этот состав полз вперед с невероятной медлительностью. Помните, как поезд лишь начинает отходить от платформы, неспешно наращивая темп? Так вот, во сне он продолжал двигаться именно таким образом на протяжении всего пути. Рядом со мной сидит другой ребенок, девочка. И больше никого нет вокруг. Пустой вагон, или же весь состав. Девочка напугана. Её губы дрожат, а глаза широко раскрыты, её неподвижный взгляд уставился в окно. Я поворачиваюсь к окну и вижу то, от чего у меня на затылке волосы встают дыбом. Снаружи рядом с поездом идёт человек, он улыбается и

его улыбка отвратительная, страшная и неестественная. Он высоченный! Его длинные ноги позволяют ему шагать со скоростью поезда. Он смотрит в наше окно. Порой он прижимается к стеклу, будто стремясь пробраться внутрь. В основном он пялится на неё. Но иногда его глаза задерживаются на мне, и он загадочно манит меня жестом пальца. И если девочка сохраняет каменное безмолвие, я рыдаю во весь голос от ужаса. Поезд движется по инерции вдоль лесной глуши под фиолетовым небом. А этот человек просто идёт следом и улыбается и с каждой милей его улыбка всё шире и шире. И пока движется поезд — мы живы, но я знаю, что скоро состав остановится, и он это тоже знает...

Звук утреннего будильника выдернул меня из кошмара. Я подскочил на кровати в холодном поту — голова раскалывалась от похмелья, а сердце колотилось как сумасшедшее. Потом мозг напомнил события вчерашнего вечера и ко всему прочему прибавилось чувство стыда и неловкости.

По обстановке стало понятно, что я нахожусь у Ники дома. Мой взгляд упёрся в потолок — мне нужно было собраться с мыслями и пытаться придумать слова, которыми смогу объяснить младшей сестре всю ту жесть, что случилась со мной накануне. Никогда до этого момента она не видела меня в таком состоянии. Как было заставить себя встать и умыться?

Боже, на кой хер так бухать!

— А—а—а... — внизу раздался досадный стон Игоря.

«Очень весело, значит, где—то в квартире должна быть и Даша?», — я покрутил головой, но Дашу не увидел, зато испытал яркую вспышку головной боли.

Дайте аспирин!

— Дашка уже ушла, — сообщил Игорь, читая мои мысли. — Слышал, как она собиралась утром. А сколько времени, вообще?

В горизонтальном положении он походил на здоровенного неухоженного медведя. Его плечи были опущены, руки безвольно повисли на большом животе. Ноги были согнуты в позе лотоса. Его опухшее лицо было серым, а волосы взъерошенными. Он с закрытыми глазами вращал головой, разминая шею.

Интересно, что скажет он в свое оправдание дома?

Титаническими усилиями я заставил себя встать с кровати и пойти в ванную комнату — умыться, оставив Игоря в одиночестве.

После водных процедур мне стало значительно лучше. Зеркало запотело и я, повинуюсь каком—то импульсу, провел по поверхности рукой. Посмотрел на своё отражение и увидел усталого мужчину с короткими волосами каштанового цвета. Бледное лицо, с выраженными скулами и подбородком. Зелёно-карие глаза, красные и воспалённые с темными кругами вокруг, прямой нос с горбинкой. Несколько минут я таращился в своё отражение.

А это точно я?

Из кухни потянуло терпким запахом кофе.

«Капец! Вероника дома...», — мелькнула мысль в голове.

— Артём? — она вперилась в меня взглядом. — Что случилось? Ты что, подрался?

Её слова ударили, как хлыст, — и я тут же ощутил себя виноватым, словно ребёнок, пойманный на шалости.

Попытался улыбнуться, но вышло жалко:

— Ничего страшного. Просто... нажрался и упал...

— Ничего страшного? — она показала на всего меня. —

И это ты называешь «ничего»?

— Ника...

— Выглядишь ужасно! — Вероника протянула мне горячую чашку с эспрессо, которую приготовила себе. — Садись за стол.

— Чувствую себя ещё хуже. Спасибо.

— И когда это ты стал жрать как не в себя? У тебя какие — то проблемы? — не унималась она.

Сестра достала тарелки, поставила их на против друг друга и положила в каждую по порции омлета.

— Поешь, это поможет от похмелья. Чего молчим?!

— Да, блин. Долго объяснять...

— А ты в двух словах попытайся!

Моя сестра Ника всегда занимала особое место в нашей семье — она была яркой и доброй, её любили все — от пенсионерок у подъезда до бездомных собак. Ей восхищались — ведь она была целеустремленной и амбициозной. Мы бы-

ли по—своему близки, но она всегда держалась немного отстранённо: позволяла узнать себя настолько, насколько сама этого хотела.

Я наблюдал за тем, как она уверенно идёт к своей цели, не отвлекаясь на мелочи, и радовался за неё. Ну и конечно ощущалась разница в отношении родителей. Они души не чаяли в Нике, и это было заметно в каждом их жесте и в каждом слове. Не то чтобы я ревновал — скорее, это вызывало у меня чувство лёгкой грусти и отчуждённости. Она действительно была особенной, но иногда хотелось, чтобы и ко мне относились с такой же теплотой и вниманием.

Для родителей она была «светом в окне», а я оставался просто «взрослым сыном», незаметным и обычным. Я считал, что эта разница в отношении и определила то, что мы так и не стали по—настоящему близкими людьми. Но я всегда гордился Никой — она была для меня примером для подражания.

Сестра была миниатюрного роста — всего 152 сантиметра — пошла в породу мамы. У мамы все в семье были невысокими. Каштановые волосы достались нам от отца. Раньше ей нравилось менять себя — наверное, эксперименты с длиной волос и оттенком позволяли выразить настроение и внутренние перемены (или протесты?).

Но теперь её образ стал спокойнее и женственнее: длинные волосы (ниже плеч) спускались свободными волнами. Огромные зелёно—карие глаза с длинными ресницами при-

давали ей облик двенадцатилетней девочки—школьницы.

Однако за этой внешней хрупкостью скрывалось гораздо больше: на самом деле Нике было двадцать четыре годика, она обожала рок—музыку, курила, выпивала и несла службу в звании лейтенанта в территориальном управлении МЧС России.

Что ж...

— Переборщил. С Любой поссорился. Больше такого не повторится... — снова соврал я.

— Мало верится. Ладно, поговорим позже. А то я из—за вас уже опаздываю...

— Привет всем! — появился в дверном проеме Игорь. — Ну, как дела? Ника, спасибо тебе огромное, что приютила. Вчера всё вышло из-под контроля.

— Без проблем, — Ника кивнула Игорю. — Друзья, я, наверное, буду собираться, вы, пожалуйста, дальше сами. Тём, соберётесь уходить, дверь захлопните на защелку. Хорошо? — она достала из холодильника приготовленный с собой обед, уложила контейнеры в рюкзак и вышла из кухни.

— Угу, — кивнул я, — А кто оплатил вчера счёт и такси?

— Без понятия, — Игорь почесал бороду, — точно не я. Может Даша?

Хлопнула входная дверь.

— Хорошая у тебя сестрёнка, — Игорь с аппетитом поглощал омлет, — Вкусно. Она на кого учится?

— В МЧС. — осёкся я, и понял, что сморозил глупость.

— Она не учится, она работает в МЧС.

— Да—а?! — брови Игоря поползли вверх, — Неожиданно... И что, у неё и ксива есть?

— Ага, она её предъявляет, когда пиво покупает...

— Однако!

Мы ещё какое—то время пробыли в квартире сестры и потом засобирались по домам. Точнее Игорь засобирался, а я, начиная с этого утра был официально бездомным.

Мне не хотелось возвращаться в квартиру и неизбежно встречаться с Любой. Я мог бы провести ещё немного времени у сестры, но не хотел доставлять ей лишние хлопоты. Мне реально нужно было немного времени, чтобы разобраться в своих чувствах, побыть наедине с собой, в тишине и спокойствии, подальше от всех проблем и забот.

И если бы Ника узнала, что я привёл к ней домой первого встречного, она бы мне все почки отбила, поэтому мне не хотелось палиться. В общем, мой новый друг предложил перекантоваться у него.

Игорю требовалось похмелиться и по пути до его дома, мы заглянули в магазин, чтобы взять пиво. Пока ехали в его район, обсуждали планы на будущее. Он как—то слишком навязчиво расспрашивал меня о том, чем я собираюсь заниматься дальше, гнал про какие—то курсы пикапа, биткоины. Я не особо вслушивался — витал в своих мыслях.

Жить с человеком, которого знаешь меньше суток — не самая мудрая идея.

«Где наша не божевала?», — подумал я и согласился на предложение.

Мне было 27 лет. Шёл октябрь 2009 года. И с той случайной встречи началась наша странная дружба с Игорем.

***

Когда я переехал от Любы к Игорю, у меня были просрочки платежей по кредитам и кредитным картам более 120 дней. Последний кредит, который я оформил, был под 56% годовых. Да, взял пятьдесят тысяч рублей на пять лет под 56% годовых! Ну не лошара?

Нормальные банки отказывались давать мне в долг, я уже попал в черный список, как заядлый неплательщик. Короче, я был в крайней степени отчаяния. Я знал, что беру кредит под высокий процент. И это не было финансовой неграмотностью, просто у меня не было вариантов (как мне казалось, на тот момент не было). Я всё понимал. Понимал, что создал огромную финансовую нагрузку, при ограниченных и нестабильных доходах.

И основная проблема заключалась в том, что такие кредиты были ловушкой: когда ты уже находишься в сложной ситуации, то соглашаешься на любые условия, лишь бы получить деньги здесь и сейчас.

Я брал кредиты, чтобы погасить другие, и когда банки перестали давать мне деньги под низкие проценты, брал под высокие. Все эти действия, естественно, привели меня к долговой яме.

Кстати, я бы мог просто попросить деньги у Ники или у родителей. Но не смог заставить себя рассказать им о своих проблемах. Достаточно было того, что я был неудачником в своих глазах и в глазах жены. Просто не хотел, чтобы и близкие об этом знали и поэтому пытался со всем справиться самостоятельно.

Но у меня не получалось...

Район, в который я переехал, образовался в начале пятидесятых. Раньше его сильно топило и поэтому там невозможно было жить. Но людям было всё равно, и они нахально возводили самострой. Местечко получило соответствующее название. В основном здесь жили русские цыгане. Уровень благоустройства улиц и дворов оставлял желать лучшего: покосившиеся домики соседствовали с каменными гигантами, принадлежавшими местным наркобаронам. Бандитские группировки и торговля подпольным алкоголем и наркотиками — все это было обыденностью.

Помню те времена, как будто это было вчера. На улицах творилась какая—то дичь. Гулять можно было только в «своём» районе. Однажды у моего приятеля прямо среди бела дня отработали новенькую куртку — просто подошли трое пацанов и «по—пацански попросили» её отдать. Это было повсеместно и в порядке вещей.

Я же, находящийся в состоянии внутреннего кризиса, не осознавал, насколько глубоко погружаюсь в пучину проблем.

Ведь самое страшное — это отсутствие понимания происходящего. Вроде бы всё шло своим чередом, но ощущалось совершенно иначе.

Не хочу быть нытиком, но по—другому не получается передать всю ту глубину депрессии, в которую я упал, как Алиса в кроличью нору. И не хочу оправдываться, но именно из—за этого состояния мой мозг не был способен всё адекватно оценить в тот момент.

Потому—то я без колебаний согласился на предложение Игоря, хотя в глубине души уже тогда понимал его истинную натуру. Мне было легче найти общий язык с ним, чем получить осуждение со стороны близких.

Потому что Игорь не принадлежал к числу успешных людей. С ним было легко. Рядом с ним не нужно было изображать кого—то другого или пытаться соответствовать чужим ожиданиям. Он принимал меня таким, каким я был на самом деле — неудачником. Принимал без претензий и требований.

В тот день мы притащились к Игорю домой. На пороге нас встретила его девушка Лена. Он вкратце поведал ей мою печальную историю, и она только пожала плечами и сказала, что не возражает.

«Не возражает? Серьёзно?», — Ленина реакция буквально ошарашила меня. На её месте каждая уже давно бы послала всех непрошенных гостей в пешее путешествие, ведь это ж её собственное жильё! Потому что только стоя на пороге,

Игорь неожиданно сообщил, что это не его дом. Сказал «не ссать» и «не париться», мне же хотелось провалиться сквозь землю со стыда.

Сам домик был небольшим: примерно в тридцать шесть квадратов, где шесть квадратов — была комнатка, типа кладовки. Двенадцать квадратов — большая комната Игоря и Лены и девять — десять квадратов — кухня. Вот в эту кладовку меня и поселили.

Первые дни были прям неловкими: мы ещё не успели притереться, у каждого были свои ритуалы и свои особенности. Ленка, например, ложилась спать рано, ей нужно было восстанавливаться после тяжелой работы. А вот мы с Игорем торчали за компьютерами до утра.

Но она никогда не жаловалась, не просила выключить свет или компьютер, не возмущалась нашим ночным марафоном. Мне казалось, что Лена просто избегала конфликтов, но потом я понял, что она давно смирилась с этой ночной жизнью, потому что для неё ничего не изменилось — Игорь и без меня так же сидел до глубокой ночи в сети.

Позже я познакомился с компанией Игоря и Лены. В неё входили: сами ребята, друг Игоря — Антон и сестра Антона — Ира.

Игорь был душой компании, без вопросов. Постоянно устраивал движуху — он умел создавать нужное настроение. Все угарали над его приколами — они были смешными, но с язвинкой. Вру... Почти всегда это были злые шутки. У него

отлично получалось троллить людей: сначала казалось, что это просто игра слов, но потом становилось ясно — его замечания сильно задевают. Особенно доставалось Лене — она была не уверена в себе и не могла ответить на его колкости.

Я поначалу тоже ржал и считал всё это безобидными подколами. А когда Лена обижалась, то лишь улыбался и говорил ей: «Да ладно тебе, это же просто шутка!»

Игорь мог запросто сказать своей девушке: «Тебе уже двадцать пять, а выглядишь на все сорок!» А его любимым развлечением было щипать Лену за бока и повторять: «Ты бы поменьше налегала на тортики!».

Не спорю, Ленина фигура не соответствовала идеальным пропорциям 90x60x90, и она была немного полноватой, но определенно не толстой. На мой вкус, она выглядела нормально, вполне себе ничего.

Но Игоря привлекала именно болезненная худоба, худоба на грани анорексии. В общем, он регулярно выговаривал ей за внешность. При мне он раз пять точно требовал отрастить волосы и перекрасить их в тёмный цвет. Ему, видите ли, нравились только прямые тёмные волосы.

Какая—то его идеальная картинка, которую он пытался навязать Лене.

И это было не просто желание изменить внешность — это была попытка полностью переделать Лену под свой извращённый идеал, растоптать её индивидуальность, заставить соответствовать его странным стандартам красоты. И делал

он это не ради забавы, а чтобы утвердить своё превосходство.

Всё это стало понятно со временем.

Лена — же была его полной противоположностью. Интроверт на максималках. Среднего роста, тихая, забитая де-вушка, в очках, с хвостиком. Одним словом — нормальная (обычная). Но с душой — добрая и отзывчивая. Она редко говорила, предпочитая наблюдать и анализировать происходящее вокруг. Работала в небольшом магазине, занималось отгрузкой спортивных товаров со склада в точки. Увлекалась вязанием, такая двадцатипятилетняя бабушка.

На её фоне Игорь был ярким и уверенным.

Антон — это вообще другой уровень, настоящий красавчик и сердцеед. Тридцать лет, но выглядел лучше нас всех вместе взятых: высокий, подтянутый, с тёмными волнистыми волосами и харизматичной улыбкой. Он реально шарил во многих вещах, в том числе и в психологии, проводил какие—то тренинги.

Как я понял, Антон и Игорь были лучшими друзьями детства, выросли в соседней области в провинциальном городке. После окончания школы решили вместе переехать в областную столицу моего региона. Антоха всегда был целеустремлённым парнем и поступил в престижный университет на математический факультет. Нашёл подработку в крутой компании.

Он часто хвастался этим, от чего Игорь бесился, потому что сам выбрал лёгкий путь, поступив в техникум. Игорёк

так—то был редкостным лентяем и дармоедом. С учебы его выгнали, и он устроился охранником на стройку. Потом он закончил какие—то курсы и стал работать системным администратором в фирме по продаже алкоголя.

Антон поддерживал Игоря и пытался устроить его в жизни. То работу подкинет, то денег. Они даже планировали замутить какой—то бизнес. Но всё это было разговорами, никто не пытался перейти от слов к делу. Наверное, обоих всё устраивало.

Ещё Игорь и Антон организовывали сомнительные тренинги по пикапу, где учили парней (читай неудачников, закомплексованных мудил) «правильному» соблазнению. Всё это больше походило на издевательство над здравым смыслом, чем на реальные советы по общению с противоположным полом, по моему мнению, конечно же. Но они в тот период сильно увлекались этой темой, и Антон даже разъезжал по городам со своими лекциями.

На самом деле Игорь хорошо разбирался в технике и часто к Лене домой приходили разные люди (соседи) для того, чтобы Игорь починил (посмотрел) какой—либо гаджет. Он никогда никому не отказывал, денег за работу не брал.

Четвертый человек из компании — Ира, сестра Антона. Когда мы познакомились ей было около двадцати лет. Она училась в местном ВУЗе на юридическом факультете, но в тот год была в академическом отпуске — просто не хотела доучиваться и ушла со второго курса. Вроде бы купила ка-

кую—то справку о необходимости прохождения операции и восстановлении здоровья. Не знаю.

Вот такая разношёрстная компашка.

Первая встреча с компанией прошла нормально. Меня приняли.

Вечерами мы собирались в этом самом доме, превращая его в своеобразный пивной паб.

Раньше я практически не прикасался к алкоголю. Не было у меня привычки бухать, не было повода собираться с друзьями ради этого. Можно было и пропустить рюмашку, но без фанатизма. А тут прям целую культуру из этого сделали: «Что ты мнёшься как баба!» — всё время на меня наседали.

Поначалу я колебался и отказывался, ссылаясь на свои принципы. Но все стали подкалывать, называя меня лошком. И я сдался. Один раз. Потом второй. И вот алкоголь стал неотъемлемой частью моих будней. «Надо расслабиться после работы», «Нужно поддержать компанию», — эти фразы эхом звучали в моей голове каждый раз, когда мы снова собирались вместе.

Глупо, правда?

Теперь—то мне понятно, что в тот момент и было утрачено собственное «я». Всё, чем я, когда—то гордился, таяло в густом алкогольном тумане. В глубине души жила надежда, что обрести самоконтроль легко и просто: достаточно лишь сделать первый шаг, и всё остальное сложится само собой. Но это было самообманом, и я шёл по выбранной дороге,

которая казалась безопасной. Ведь бросить пить — проще простого! Наивный.

Мы с Игорем после работы включали какой-нибудь сериальчик на фоне, брали литровку бюджетного пива из магазина и рублились в онлайн—игры. Потом подтягивалась наша компашка, и мы зависали до часу—двух ночи. Болтали по душам, а вечера летели как на реактивной тяге.

Наверное, это был легкий способ избавиться от проблем и напряжения. Ну или упростить сложное и замаскировать боль? Как будто бы после первого глотка уходило давящее напряжение, а голова очищалась от негативных мыслей. Мир казался светлее и легче. Алкоголь приносил мнимое освобождение от обязательств и снимал груз ответственности.

И вот ты уже друг и приятель, хороший парень, а не неудачник.

Когда Антон и Ира уходили домой, а Лена ложилась спать, мы с Игорем продолжали колобродить до утра. Вместе проходили Diablo, в перерыве бегая на перекур или отлить. Иногда мы и не ложились вовсе, и утром я буквально выползал из дома, чтобы отправиться на работу.

Кстати, мне всегда хотелось играть за некроманта, но Игорь жёстко блокировал мне эту возможность. Для него некроманты были исключительно «его фишкой». Я же воспринимал это как попытку доминировать надо мной —закрепляя за собой эту расу, он повышал собственную значимость. В моих глазах Игорь был собственником и эгоистом.

Я—то понимал, что он та ещё сволочь, но всё равно каждый раз велся на его закидоны, как последний дурак.

Иногда мы уходили на работу, так и не ложившись спать.

В основном мы играли в MMORPG. Это всё массовые многопользовательские ролевые онлайн—игры, в которых жанр ролевых игр совмещается с жанром массовых онлайн—игр. Основная черта жанра — взаимодействие большого числа игроков в рамках виртуального мира.

Игорь подарил мне свой аккаунт от PV. С этого момента меня вообще перестала интересовать реальная жизнь. Всё что я хотел — прийти с работы и включить комп, взять пару баночек пива и запустить PV. Встретиться со своим кланом, пойти в замесы, может быть крабить марик или ежу. Было здорово оказаться среди единомышленников.

Игра давала иллюзию живого общения, можно было часами онлайн общаться в Skype или в другой говорилке. Этот идеальный мир жил своей жизнью. И это создавало ощущение причастности к чему—то большему, чем просто одиночная игра. Виртуальный мир предлагал временное убежище, где можно было быть кем угодно и делать что угодно, не опасаясь последствий в реальной жизни. И мы все убегали туда от стресса и давления настоящего мира, его несовершенства и жестокости.

Помню, как—то раз сидел я, значит, как обычно — пиво своё пенное попивал из банки и пытался зарегаться на сайте нашего городишки. Был такой популярный ресурс среди

молодежи. Может и сейчас существует, но тогда — это было просто бомбически круто. Можно было флудить на форумах, собираться компаниями поиграть в волейбол или потусить на вечеринке (читай вписка). И отдельная тема — чат города.

Портал был запущен администрацией и предназначался для обсуждения местных проблем, обмена информацией и взаимодействия жителей друг с другом и представителями власти. Короче, ресурс помогал оперативно сообщать о различных городских проблемах.

Доступ был открыт для всех пользователей сайта. Это было активное онлайн—сообщество, объединявшее тысячи жителей моего родного города. Чаты портала играли важную роль и были мега популярными.

Лидеры портала часто устраивали неформальные встречи — даты обсуждались на форуме или в специальных ветках. Собирались в парках или кафе. Или на квартирах.

Вот эти сборища меня больше всего интересовали, там можно было хорошенько потусить и познакомиться с прикольными ребятами. Ну и вообще это было тогда очень круто. Тебя узнавали по нику, и ты был что—то типа сегодняшних инфлюенсеров или блогеров. Я прям сгорал от желания стать частью этой тусовки, поэтому зарегистрировался на портале под ником «Stalnie Siski» и ждал авторизацию.

На пороге внезапно возник Игорь. Он стоял в проёме, пошатываясь, словно мачта под сильным ветром. Его взгляд

был направлен куда—то сквозь меня, а лицо казалось маской, на которой застыло выражение полного безразличия. У него был такой странный стеклянный взгляд.

Раньше, когда я читал рассказы и мне попадалось это выражение, мне было не понятно, как это, стеклянный? Почему глаза сравнивают со стеклом? Но глядя на Игоря, до меня дошло.

Не говоря ни слова, он медленно двинулся к кровати и буквально рухнул на неё. Тишина, которая повисла в комнате, была настолько плотной, что её, кажется, можно было потрогать руками. Слышался только мерный гул компьютера.

— Всё в порядке? — спросил я, хотя на самом деле мне не хотелось знать ничего о его проблемах.

Просто не спросить было не по—дружески. Но Игорь продолжал молчать, уставившись в одну точку на потолке, словно там была написана вся его жизнь. Его неподвижность начала действовать мне на нервы. Особенно раздражало то, что моя комната была сразу после входа — как будто он не мог подойти до своей, а просто рухнул на первую попавшуюся кровать.

На мою чистую кровать!

Единственное пространство в этом огромном мире, принадлежащее исключительно мне одному. Чувство раздражения мгновенно охватило меня: моё священное убежище, моя крепость приватности была нарушена вторжением чужака!

Нажрался что ли?

Его дыхание было тяжёлым и неровным, а руки безжизненно лежали вдоль тела.

«Бесишь, сука!», — я резко ткнул в ярлык PV, старательно игнорируя истинную причину раздражения — то самое сообщение от Любы.

И Игорь пьяный, и жена пишет хрень — всё навалилось разом. Я просто кипел от раздражения.

Где—то через час пришла с работы Лена, спросила поужинали ли мы, грустно посмотрела на Игоря, который всё еще не подавал признаков разумного человека и вышла из комнаты.

Позже Игорь пришёл в себя и рассказал, что попробовал какую—то дрянь под названием спайс. Ему это охрененно понравилось и цитирую: «Я видел вселенную!»

Ещё одна тёмная сторона того времени — наркотики. Вообще, было страшно жить в то время. Удивляюсь, как я меня эти «тёмные дела» обошло стороной.

Игорь после этого дня стал частенько приходить странным. Дурная привычка, которую он зачем—то скрывал от Лены, как будто бы она не знала об этом. На против нас жил один барыга. Помню, однажды барыга схватил передоз, и его долго пытались откачать в карете скорой помощи. Не откачали. Барыга, кстати, учился в одиннадцатом классе.

В общем, Игорь был тем самым человеком, рядом с которым другие словно попадали в воронку хаоса. Несмотря на острый ум и хорошую техническую подкованность, он пред-

почитал роль клоуна—неудачника. Его жизнь напоминала бесконечный марафон саморазрушения, где главным призом было утянуть за собой как можно больше людей.

Он утягивал меня, Лену, Антона, свою маму, которая всеми силами пыталась наставить его на путь истинный.

Еще одно яркое воспоминание о нём: уход за собой для него был чем—то из области фантастики. Он не мылся неделями, не чистил зубы и, если бы Лена не стирала его одежду — не менял бы белье и ходил бы в нестиранных шмотках.

Тогда я не понимал, что несоблюдение гигиены могло быть признаком серьезных психологических проблем. Игорь точно был в глубокой депрессии. Ну или у него мог быть ОКР, ПРЛ или тревожное расстройство.

Да и не привыкли в России разбираться в ментальных проблемах. Наша культура всегда отличалась высокой степенью терпимости к физическим и душевным страданиям. Традиционно считалось, что умение пережить травму и двигаться дальше является признаком зрелости и мудрости. Это сформировало устойчивое представление о том, что проявлять эмоции или обращаться за помощью считалось признаком слабости. А советская медицина долгое время акцентировалась на лечении физических болезней, пренебрегая психоэмоциональными аспектами.

В современном мире многие гордятся тем, что у них есть какие—то ментальные проблемы. Каждый второй мой коллега ходит к психологу. Нет, я не против — если челику ре-

ально нужна помощь, то это здорово. Но когда они начинают соревноваться, у кого больше диагнозов или кто чаще посещает сеансы... Это уже перебор. В соцсетях вообще жесть. Все эти истории про «травмы детства». Да, порой родители не идеальны, и у каждого были свои скелеты в шкафу. Проще обвинять родителей во всех своих бедах, вместо того чтобы взять ответственность за свою жизнь...

В моей юности если у тебя были какие—то проблемы с башкой — ты просто молчал и пытался сам с этим разобраться.

Мне всё было понятно про Игоря: мама вырастила тугосерую, которому постоянно подтирала жопу и исполняла все хотелки. Потом бабушка подхватила эстафету. А Игорёк ответил на эту заботу агрессией — винил во всех своих неудачах родительниц. Да и всех женщин вместе взятых. Он не скрывал своей ненависти к матери, постоянно нападал на бабушку, считал, что мир крутится вокруг его персоны. Свои провалы объяснял их «виной», но сам не хотел ничего делать для улучшения своей жизни. Был агрессивным, но агрессию подавлял — создавал себе положительный общественный имидж.

Но харизмы ему было не занимать. Поэтому несмотря на все его странности и проблемы с гигиеной, вокруг Игоря всегда были девчонки. Некоторые из них были «сопливыми» и глупыми, может младше его лет на десять—пятнадцать точно, если не больше. Другие были вполне нормальными,

взрослыми барышнями. Все они частенько приходили к Лене домой, что бы Игорь починил что—то или настроил телефон.

Ну и эта его тема с сайтами знакомств. Что это было: неудовлетворенность отношениями или потребность в общении? Скорее желание внимания и признания...

Потом я разгадал его секрет: Игорь умел слушать. В мире, где все пиздели о себе, он задавал вопросы и слушал ответы. Он был такой только с посторонними людьми. С теми, кто не был с ним близко знаком. У Игоря была особенная способность — видеть в людях то, что они сами о себе не знали.

Так он и разглядел меня, уставшего и запутавшегося в себе неудачника. Увидел своим внутренним чутьем, сумел выслушать и найти правильные слова.

Игорь умело манипулировал людьми, создавая вокруг себя атмосферу вседозволенности и безнаказанности. Меня это порой даже восхищало. Он был как чёрная дыра — чем ближе ты подходил, тем труднее было вырваться из его токсичного влияния. Его жизнь представляла собой череду деструктивных поступков.

Лена была эмоционально зависима от Игоря, она уже была поглощена черной дырой его влияния без остатка. Мне казалось, она испытывала страх одиночества, жалость к себе или убеждение в собственной беспомощности, так как была, по её мнению, не привлекательной и не значимой.

Эти отношения были нездоровыми. Сейчас есть такое

модное слово — как абьюз. Такими, наверное, и были их отношения. Лена нуждалась в поддержке окружающих, но никто её не поддерживал. Все всё понимали, но не вмешивались. Да и не принято это было в то время.

Если подвести итоги, то за полтора года, проведённых в их доме, моя жизнь наполнилась таким количеством событий, что их с лихвой хватило бы на пару десятков лет жизни.

Я успел спиться, попробовал наркотики, довёл до развода жену, подсел на онлайн—игры, окончательно заврался, оказался в глубокой финансовой жопе... Для «полного счастья» мне должна была позвонить Люба и сказать, что она ждёт ребёнка.

Это время стало для меня своего рода чистилищем: было понятно, что я не только неудачник, но ещё и слабак, incapable сказать твердое «нет» и отказаться от сомнительных предложений.

Глава 2

2010: Год учителя в России

В 2010 году случился конфликт между действующим Президентом страны и мэром столицы. После чего мэр был уволен «в связи с утратой доверия президента России». К тому же репутацию мэра «подмочили» горящие торфяники.

Аномальная жара, спровоцированная сильным антициклоном, установила исторический температурный рекорд. Последствия оказались разрушительными: сельскохозяйственные угодья погибли, а вокруг столицы вспыхнули многочисленные пожары на торфяниках и в лесных массивах. Столицу и область окутал мощнейший смог. Люди гибли от удушья и сердечных приступов, смертность выросла на 36%.

Это я к чему? А к тому, что кандидатом от действующего президента на должность мэра столицы стал бывший губернатор моего родного города.

Между тем, штаты объявили об окончании войны с очередной страной на ближнем востоке.

Кроме того, исландский вулкан с труднопроизносимым названием внезапно проснулся! Он спал 200 лет, пока в марте 2010 года не произошло его извержение.

Сегодня я тоже проснулся поздно. Оно и не удивительно.

На дворе стоял ноябрь. Он выдался особенно злым — промозглая погода насквозь пробирала до костей, а у меня даже нормальной зимней обуви не было. Я был практически бомжом. Вечер окутывал двор серой пеленой сумерек, как смог, окутавший столицу в августе.

Я сидел на покосившемся крылечке, пуская в воздух клубы синеватого дыма и думал о том, что «свернул не на той развилке». В этот момент из—за угла появился пёс, просто Пёс. Его история была печальной: раньше у Лены жила породистая собака по кличке Ретка. Она родила щенят, но во время родов скончалась. Щенки разошлись по новым хозяевам. Позже выяснилось, что у одного малыша было генетическое отклонение. Хозяин, взявший его, просто перебросил обратно бедолагу через забор Ленкиного дома. Так в доме появился Пёс.

Пёс был особенным: небольшого роста, с непропорционально большой головой, искривлёнными лапками и постоянно сочащимся носом. Люди обходили его стороной, словно он был заразен, их взгляды наполнялись брезгливостью при виде его увечий. Мне было так жалко псинку. И я старался уделять ему внимание — гладил и разговаривал. Он был очень благодарен мне и в его усталых глазах читалась немая мольба о любви.

Наблюдая за Псом, я часто думал о Лене. В её усталых глазах тоже можно было много чего прочитать. Она была другой — живой, настоящей и полной внутреннего света.

Я, наконец, адаптировался в новом окружении, и жизнь была по—началу реально интересной — новая компашка, новые увлечения, я был полностью поглощён этим! По вечерам мы всё также гоняли с Игорем в онлайн игры и разговаривали о жизни. Я выкладывал ему всё как на духу — думал, что наконец нашёл лучшего друга. Но со временем мне пришлось снять розовые очки.

Ленка и Игорь постоянно куда—то исчезали — то ненадолго отлучались из дома, то запирались в комнате и о чём—то жарко перешёптывались. Я старался не подслушивать, понимал — у каждого есть право на личную жизнь.

Игорь явно был чем—то заморочен — это читалось в его резких движениях, в том, как он стал избегать прямого взгляда, в том, как нервно закуривал сигарету.

И если мы такие дружки—пирожки, почему он не делился ничем со мной?

Я чувствовал себя лишним и было обидно, что Игорь не доверяет мне. В какой—то момент я даже стал шпионить за ними: проходя мимо закрытой двери их комнаты, замедлял шаг и пытался расслышать приглушённые голоса, но разобрать слова не получалось.

Мне—то казалось, что я знаю человека, что, между нами, открыта дорога для разговора, что, между нами, честность и доверие. И вроде он добродушный, улыбающийся, охотно рассказывает обо всем, кажется искренним, но это не так: все его слова — дым, пыль, тонкая паутинка, сотканная из

вежливых формул и поверхностных бесед.

Лена тоже изменилась — стала более замкнутой, отвечала односложно, когда я пытался завести разговор. Создавалось впечатление, что между нами выросла невидимая стена, и я не понимал, как её разрушить.

Я начинал загоняться тем, что задолбал всех своей наглостью — слишком долго занимал комнату, слишком много пользовался добротой Лены. И мне казалось, что они просто из вежливости терпят меня. Я аккуратно выспрашивал у Лены, всё ли хорошо? И она всегда отвечала, что всё в порядке, что я могу оставаться столько, сколько нужно.

Игорю я эти вопросы задавал в лоб, но он только отмахивался: «Не гони, всё нормально. Живи сколько хочешь». Это был просто разрыв шаблона! Собственные демоны не давали мне покоя. Я продолжал сомневаться, продолжал искать скрытый смысл в их словах и действиях.

Что—то точно было не в порядке.

Игорь так и не открылся мне тогда. Он создал изнутри барьер и отталкивал любые проявления внимания и участия с моей стороны.

А может, всё было проще некуда? Я часто ломал голову: с чего это он был такой закрытый, никому не доверял? Ну да, родители его кинули в детстве — каждый завел свою семью, а совместному ребенку места ни в одной из этих семей не нашлось. Но ведь бабушка его растила, любила по—настоящему, заботилась.

Или причина крылась глубже? Может, старые раны от предательств так и не зажили? Вдруг он теперь думал, что любовь и привязанность — это просто обман? Что рано или поздно всё равно ждёт разочарование? А может, он просто решил для себя: лучше никого не подпускать близко, чем снова обжечься.

Кто знает...

По мне, Игорь просто забил большой болт на всех и тупо использовал людей. Например, Лену.

Как—то мама сказала, что каждому мужчине один раз в жизни судьбой дается та самая женщина, которая ничего не требует, прощает, которой не важно сколько у него денег какой у него статус. Женщина, которая просто любит и поддерживает. И важно не упустить такую женщину. Не оттолкнуть.

Лена была рядом с Игорем, словно её жизнь принадлежала ему.

Её история заставляла меня задуматься... Если мы окажемся в трудной ситуации кто из окружающих нас людей будет готов прийти на помощь? Заметить наши проблемы и вытянуть нас из безысходности? Кто будет тем, кто окажет поддержку, когда мы потеряем силы и перестанем сопротивляться жизненным трудностям? Мы все нуждаемся в таких людях. И также важно быть таким человеком для других. Быть готовым протянуть руку помощи, заметить, когда кто—то нуждается в поддержке и дать топливо для душевного

роста.

Теперь, оглядываясь назад, меня охватывает глубокая печаль. Лена нуждалась в поддержке, принятии и понимании. А я не стал тем другом, той рукой помощи, тем человеком, который заметил и понял. Наоборот, всё чаще меня одолевало желание свалить подальше из этого дурдома — мои соседи начали часто ссориться и меня это заколебало. Прекратить все отношения с этими людьми и начать новую жизнь.

Как—то я спросил Игоря, почему он так относится к Лене? Ведь она его боготворит... На что получил ответ, что она некрасивая и в себе не уверена, а он для неё предел мечтаний.

— Она ради меня прям из последних сил старается, в постели не зажимается и всё на себе тянет. — ухмылялся он, — Прикинь...

— А не боишься, что она сбежит от тебя?

— Нет, хотела бы — давно убежала. — почесал он подбородок, — Братан, ты не подумай, я ей благодарен. Но сердцу не прикажешь... ну не люблю я её, понимаешь? Она просто удобная. Ленка просто баба—друг.

— Рано или поздно она всё поймет и пошлёт тебя нахуй!

— Посмотрим...

Игорь стал всё чаще бухать и накуриваться — запах перегара теперь преследовал его постоянно, въедаясь в одежду и волосы. Дошло до того, что он прогуливал работу: сначала изредка, с виноватыми оправданиями по телефону, потом

— без объяснений, просто пропадая на сутки-двое. А недавно он нажрался так, что его под руки притащили к Ленкиному дому двое незнакомцев — потрёпанных типов в грязных куртках, с бегающими глазами. Они бросили его у порога, как мешок с картошкой, буркнув: «Дальше сами разбирайтесь», — и тут же растворились в темноте, оставив после себя лишь едкий запах пота и дешёвого пива.

Короче, Игоря накрыла такая волна злости, что он срывался на каждом: и на Лене, и на мне, и даже на беззащитных животных.

Сегодня мы все вернулись домой с работы почти одновременно. Я остался на улице выкурить сигаретку. Когда я вошёл в помещение, то услышал странные звуки. Игорь и Лена ссорились на кухне. Они оба были взвинчены, и между ними чувствовалось сильное напряжение.

Мне не хотелось мешать им выяснять отношения, поэтому я ушёл к себе. Но они так громко ссорились, что мне пришлось стать невольным участником их конфликта.

— Да, можно и так сказать... — Игорь произносил эти слова нарочито спокойно. — Давай, расскажи мне, открой, так сказать душу.

— Что именно ты хочешь услышать? — её голос предательски дрогнул. — Мне звонили по работе.

— А с хуя ли тебе какие—то мужики звонят «по работе» в нерабочее время?

Неприятно. Тон разговора становился всё более резким.

Сто пудов, Игорь просто хотел отыграться на Лене за плохой день. Вряд ли она была виноватой, и поэтому эта ссора казалась такой тупой...

— Это не то, что ты думаешь. — промямлила она в ответ.

— Правда, что ли? И что же это было? — в голосе Игоря появилась злость.

— Просто... Это всего лишь...

— Всего лишь, что? — он саркастически усмехнулся, не давая ей объясниться.

— Это работа, Игорь! — ответила Лена, она явно не понимала, в чем её обвиняют. — Машина пришла с товаром, а в 1С нет накладной, иногда приходится общаться вне офиса!

Её оправдания только подлили масла в огонь. Игорь резко встал со стула и начал ходить по комнате, сжимая кулаки. Лена попыталась что—то объяснить, но чем больше она говорила, тем сильнее Игорь злился.

На работе у Лены действительно было много контактов с коллегами—мужчинами, и иногда они звонили ей вечером. Она прям трепетала от страха, что Игорь может воспринять эти созвоны как намёк на что—то серьёзное. Это чувствовалось в голосе.

Мне захотелось защитить её и осадить Игоря. «Может выйти из комнаты и дать ему в харю?» — размышлял я, но высунуться не решился — вмешательство в чужие дела редко приносит положительный результат. В какой—то момент напряжение достигло пика. Игорь схватил телефон Лены со

стола и швырнул его в стену. Раздался хрустящий звук разбитого стекла, и устройство упало на пол.

Я вышел из комнаты.

— Завязывай!

Лена в ужасе замерла на месте. Слезы навернулись на её глаза. Она молча собрала остатки телефона и убежала к себе. Игорь демонстративно вышел из дома, хлопнув дверью.

— Можно? — я тихонько стоял у проёма. Не дождавшись ответа — вошёл.

Ленка сидела на кровати. Её лицо было бледным, а глаза покраснели от слёз. Мне было нелегко видеть её в таком состоянии — как будто бы я тоже участвовал в расправе над гаджетом. Телефон в те годы был довольно—таки дорогим удовольствием. Сомневаюсь, что Игорь подарит ей такой же...

Увидев меня, Лена вымученно улыбнулась.

— Он просто устал, поэтому иногда бывает раздражительным. Я уверена, что всё наладится!

«Устал он! Даже так?», — меня вывернуло от её слов.

— Может, хватит его выгораживать? Он же тебя с грязью смешивает, ты что, не видишь?

— Ты преувеличиваешь.

— Ни капельки!

— Артём, не лезь не в свое дело, пожалуйста. Мы сами разберемся с нашими отношениями. Всё наладится.

— Лена, ну серьёзно, очнись уже: ничего не наладится,

ситуация не поменяется...

Лена долго смотрела в мои глаза, а потом открыла рот, собираясь что—то сказать, но внезапно зазвонил мой телефон.

Чёрт! Магия между нами пропала...

— Ало!

Звонила Дашка. Она была вся на нервах и просила об услуге: написать от её имени заявление на отгул и отправить начальнику по e—mail (у Дашки дома не было технической возможности это сделать). Из её путаного рассказа мне удалось разобрать что у её брата возникли серьёзные проблемы с законом. В подробности она не вдавалась.

***

У Лены и Игоря я прожил с октября 2009 года по январь 2011 год. Мне нравился их старый домик, стоящий в глубине участка, на котором росли вишни, яблони, смородина, ирга и цветы. Нравилась его незатейливая простота. Нравился большой и старый дуб за окнами. Нравилось наблюдать, как проходящие мимо дома люди, останавливались и собирали опавшие листья и желуди по осени.

А потом дуб срубили коммунальщики, потому что он мешал — его ветви цепляли провода электропередач.

Я всегда считал себя равнодушным. Но когда я смотрел на срубленное дерево, что—то внутри меня надорвалось. Сердце болезненно сжалось, будто тысячи острых ножей пронзали его. Я стоял, замороженно глядя на сломанный ствол, и вдруг понял, что это не просто дерево. Это символ жизни, та-

кой же хрупкой и беззащитной, как человеческая душа. Каждая трещина в коре рассказывала свою историю, а каждый годичный круг хранил память о прожитых моментах. И теперь эта жизнь была прервана одним небрежным движением пилы. И сколько бы дней, месяцев и лет не прошло после, мое сердце всё также щемит по этому могучему дереву, спиленному под корень безразличными людьми.

В ноябре 2010 года мы с Любой снова встретились у здания суда.

Если у пары нет несовершеннолетних детей и имущественных споров, развод можно оформить через ЗАГС. Процедура занимает 1 месяц с момента подачи заявления до регистрации расторжения брака и выдачи свидетельства.

Но это в том случае, если всё происходит по обоюдному согласию.

Люба развод мне не давала!

Сначала я пытался договориться мирно. Но у неё постоянно находились причины отложить встречу: то болезнь, то собеседование, то ещё что-то. Так тянулось несколько месяцев — в конце концов мне это надоело.

Антон посоветовал подать иск о расторжении брака. На оформление и отправку документов ушло время; примерно в начале 2010-го — возможно, в марте или апреле — иск зарегистрировали. На первом заседании Люба заявила, что против развода, и рассказала старую историю про суп.

Суд назначил трёхмесячный срок для примирения. Второе заседание она перенесла из-за болезни. В итоге нас развели только в ноябре 2010-го. Спустя месяц решение вступило в силу — мы приехали за документами одновременно. Забавно получилось.

Мы вышли из здания и она, не попрощавшись со мной, демонстративно зашагала к припаркованной у тротуара бэхе. Также демонстративно подождала, пока некий джентльмен выйдет из машины, откроет ей дверь.

Уселась на переднее сиденье, сложив ручки на дорогой, точно дорогой, сумочке. Они перекинулись парой фраз, но я не умел читать по губам, поэтому не понял, о чем они говорили в салоне машины. Да и мне было всё равно.

В душе я за неё, конечно, порадовался, потому что искренне желал ей добра.

В тот день она выглядела потрясающе: на ней была коротенькая песцовая шубка, черное платье подчеркивало ее фигуру, напоминающую песочные часы, а короткие светло—русые волосы были аккуратно уложены.

Интересно, это платье дань трауру по нашему браку или просто так совпало? Меня всегда восхищало её лицо. Оно хранило особую, почти неземную красоту — тонкие черты, словно выточенные искусным мастером. В больших выразительных глазах таилась глубина. Прямые, чуть вздёрнутые брови и высокие скулы подчёркивали облик.

Её лицо могло быть и строгим, и ранимым. На эту рани-

мость я и повёлся в своё время.

Прости меня, моя любовь,
Я не могу иначе...
Земфира, «П.М.М.Л.»

И всё—таки было слегка неприятно: уж слишком быстро она нашла мне замену. Да и вообще, вся эта ситуация наведала на мысль о том, что этот дядечка появился задолго до того, как я предложил развестись. Может, она познакомилась с ним на выставке или в кафе? Какая теперь разница.

«Прощай!» — я проводил машину взглядом и закурил.

***

31 декабря 2010 года, мы решили собраться у Антона с Иррой в старом районе нашего города. Дом друзей располагался на одной из самых протяженных улиц (больше семи километров). Недалеко от места, где улица упирается в новые микрорайоны, можно повернуть в сторону от реки и оказаться у небольшого прудика. Местные его именуют как Гансовский пруд.

Попасть в этот район из центра города проще простого — достаточно перейти мост через реку. Друзья жили в стареньком домике, состоящем из двух небольших комнат, прихожей и кочегарки.

Наша компашка была в полном составе. Ещё к нам присоединились две девчонки с Иркиного института. Планирова-

лось пожарить шашлычок и отлично провести время. Девочки суетились, стараясь успеть всё: приготовить угощения, украсить ёлку, накрыть на стол и нарядиться, конечно же.

Нашей задачей было пожарить мясо и не нажраться раньше времени. На улице было холодно, и мы уже тягнули по сто грамм. Антон притащил гитару. Его пальцы ловко перебирали струны, и он, сидя на пеньке у мангала, пел хриплым голосом: «Я узнаю, когда—то, наверное...»

Экран телефона вспыхнул — пришло сообщение. «Ну, как у тебя дела?» — гласило оно. От Любы. Прошло уже столько времени — к чему эти вопросы теперь? Мы давно поставили точку. Покалывание в пальцах вернуло меня к реальности. Не раздумывая, ответил: «Ты ошиблась номером». «Прости», — прилетел мгновенный ответ. И в голове эхом: «За что именно ты просишь прощения?»

На меня накатили воспоминания о Любе и о том, что между нами произошло. Мне её не хватало в этот семейный праздник. Вспомнил, как приходил за вещами спустя несколько дней и как она даже не пригласила войти. Просто передала вещи. Ну как передала? Швырнула мне их в лицо. А потом захлопнула дверь прямо перед моим носом. И я остался стоять на лестничной клетке, глядя на разбросанные по полу рубашки и пытаюсь осознать, что наша жизнь только что развалилась окончательно.

«Да хватит уже ныть!», — ощутив внезапное желание заглушить тяжелые мысли, я залпом выпил стакан колы с вод-

кой. Всего один глоток — и реальность начала размываться, уступая место лёгкому, беззаботному состоянию.

Вечер удался, и мы все изрядно напились. Трезвыми оставались только девчонки, за исключением Иры, она сильно налегала на шампанское.

После боя курантов мы всей толпой выползли на улицу, чтобы запустить фейерверки. Это было волшебное зрелище: темное ночное небо, усыпанное звездами, вдруг озаряется яркими вспышками света. Фейерверки взмывают вверх, оставляя за собой шлейфы искр, которые медленно рассеиваются в воздухе.

Бабах!

Со всех сторон послышались залпы, сопровождающиеся треском и свистом. Небо заполнилось каскадом разноцветных огоньков, рассыпающихся на тысячи маленьких звёздочек.

Бабах! Бах!

Игорь толкнул меня шутя, и я упал в снег. Распластавшись на спине, замер, глядя в небо. Повсюду слышались радостные крики. Антон попытался меня поднять, но мне не хотелось вставать. Мне было очень хорошо, впервые за несколько месяцев мое сердце вдруг наполнили радость и покой.

Тилинь. Тилинь.

Тилинь. Тилинь.

У меня зазвонил телефон, кто говорит?

Сло... Артём!

— Алло?! — я с трудом достал трубку из кармана куртки,
— Ника! С но—вым го—дом! — проорал по слогам я, —
сестрёнка, счастья, здоров... ик... ья!

— И тебя, братишка! Ты где?

— Я у Антона, в старом районе, а ты?...ик...

— А мы как раз рядом с вами, на другой стороне берега,
собираемся кататься на коньках. Может к нам?

— Не, Ник, тут останусь.

— Ну, смотри сам, лю, не делай глупостей. Звони, если
что, хорошо?

— Ладно!

Рядом раздражённо тьякала чихуахуа Иры по кличке
Принц. Его высочество не нравилось происходящее.

— Все, харэ валяться, вставай, праздник ждёт. — Игорь
помог мне подняться. — Видел, как Иркина подружка на те—
бя смотрит?

— Как... ик... ая подружка?

— Ну та, рыженькая.

— Смо—о—трит? — я наивно хлопал ресницами. — Ре—
ально?

— Глаз не сводит, отвечаю!

— Тёма, новый, Афганский. С одной затяжки башню ка—
чает... — Антон всучил мне кулёчек и радостно подмигивал.

Где—то в начале второго ночи меня из блаженного неве—
дения (мы с Антоном дунули в кочегарке) выдернули гром—
кие голоса. Эти голоса казались мне какими—то далёкими,

как будто бы не реальными. Но всё равно раздражали, нарушали мою эйфорию, не давали снова погрузиться в это стеклянное состояние.

— Я мудака! И алкаш! — орал Игорь. — И что? Я реалист, а вот говорю тебе честно. Всё как есть. Я, блять, алкаш. И чё? Вот я живу как умею. Жизнь у меня такая — тяжёлая. А ты то сама чего добилась в этой жизни, чтобы учить меня?

Мы как зомби с Антохой пошли на громкий голос Игоря.

— Чё? Нечего больше сказать? Учит меня ещё, сама даже ни хуя не добилась в жизни, а гонора как говна за баней! — Игорь стоял посреди двора, шатаясь в разные стороны, в его руках была недопитая 0,5 пива.

— Тихо! — вмешался в разговор Антон. — Что вы гоносите?

— Скажи этому мудаку, что бы валил из моего дома! — Ира нервно затянулась сигаретой. — Или уйду я! Ни минуты здесь не останусь. Бесите все!

— Да успокойся ты наконец! Хули ты с ним споришь? Он же бухой в сраку!

Тяф! Тяф! Тяф! — громко лаял Принц на агрессивного Игоря. Кто—то посмел обижать его хозяйку. Видимо он успел прошмыгнуть за нами, пока Антон закрывал дверь.

Игорь раздражённо пнул собаку — бедняга взвизгнул и отлетел в сторону.

Ира бросилась к чихуахуа.

— Ты что творишь, урод?! — завопила она, прижимая

дрожащего пёсика к себе. — Ты ёбнутый на всю башку!

— Ой, иди нахуй! — рявкнул он. — Ничего не будет с твоей шавкой!

— Ты что, совсем двинулся? — заорал Антон.

— Дебила кусок! — рыженькая девчонка пыталась перехватить у Иры испуганного Принца. — Это какой—то пиздец: поднять руку на беззащитное животное! Всё, я сваливаю от сюда!

— Блять, Игорь, иди prospись! — Антон схватил его за шиворот и потащил к дому.

Вечер перестал быть томным. Игорь распугал всех. Рыженькая, которая якобы положила на меня глаз, убежала первой. Ира, Антон и Света (вторая подружка), забрав собаку, ушли на соседнюю улицу к своим друзьям. Пёсик пережил сильнейший шок и испуг. Утром его повезут к ветеринару.

Игорь уснул и храпел так, что перебивал музыку. Меня тоже звали, но мне хотелось поддержать Лену. Ей было очень стыдно за своего парня и она, чтобы загладить вину, решила убрать всё со стола и перемыть всю посуду.

Мы задумчиво драили кухню, и я вспомнил, что это не первый случай, когда Игорь проявлял жестокость к животным. Он ненавидел Ленкиного Пса, бросал камни в соседских кошек — якобы они топтали грядки. Однажды ногой раздавил мышку.

Слишком много событий для одного вечера!

В третьем часу ночи мы вышли на улицу покурить. Небо

было очень звёздным. В городе такого неба не увидишь, но тут, на окраине, оно было тёмным как бархат и можно было разглядеть созвездия. Где—то вдалеке всё еще слышались запоздалые залпы.

Бах!

— Видишь вон там Большую Медведицу? — мой палец указал на конкретную точку в бескрайнем ночном небе. Я был навеселе, под кайфом, тело меня не слушалось, но сознание оставалось удивительно ясным и прозрачным.

— Да, — тихо отозвалась Лена, глядя в небо, — вижу.

В мангале всё еще тлели угли; мне было уютно и спокойно рядом с ней. Она сняла очки, и я впервые разглядел её глаза — изумительно голубые и красивые. Наверное, я вытаращился на неё как полоумный, потому что на её губах заиграла улыбка.

— Знаешь, мы с Игорем любим двух разных людей. Он — себя, а я — тебя. — тихо произнесла она. А потом поцеловала меня. Её губы легко коснулись моих губ. Это было мгновение, наполненное нежностью и трепетом. Я почувствовал запах её волос и мне непреодолимо захотелось заключить её в объятия...

Где—то рядом хлопнула дверь.

Мы резко выпрямились и повернулись на звук.

На улицу вышел Игорь и совершенно не стесняясь нас, стал справлять малую нужду у крыльца.

— Чё вылупились, суки? Я пьяный!

***

Я очнулся в больничной палате. Медленно, словно выныривая из глубокого, бездонного колодца, возвращалось сознание. Веки казались свинцовыми, а попытка пошевелиться отнимала слишком много сил.

«Где я? Что произошло?», — мысль пульсировала в голове.

Постепенно стало возвращаться ощущение собственного тела, но оно казалось чужим и инородным. Мышцы, словно забытые, не хотели слушаться. Воспоминания восстанавливались частями: как мозаика, складывалась из разрозненных кусочков.

Вспомнил, что был в гостях у Антона, и мы праздновали Новый год. В памяти всплыл последний разговор с Леной и Игорем, который вышел отлить. Но никак не удавалось вспомнить, как, блять, я оказался в больнице.

«Нужно восстановить хронологию событий. Так, Лена, поцелуй, Игорь... а дальше?», — я устало прикрыл глаза и сконцентрировался на тех последних моментах.

В памяти тут же возникла картина, как Игорь, всё ещё пьяный и агрессивный, подскочил к Лене и, схватив её за руку, потащил в дом.

— Отпусти её! — я на адреналине попытался его остановить.

Игорь обернулся, его взгляд был холодным и злым.

— Артём, Артём, пожалуйста, уходи! Не надо! — Лена

была сильно напугана.

— Дружище, я видел из окна как вы сосались. Поэтому эта шлюха сейчас за всё ответит. А тебя я по—пацански прощаю. Сука не захочет — кабель не вскочит.

— Блять, Игорь, не гони. Пошли до Антона дойдем, а она пусть домой едет.

— А так может вы уже трахаетесь за моей спиной, да?

— Ебать, ты конченный!

— Что ты сказал? Повтори!

— Ты конченный придурок! — крикнул я.

Он оттолкнул Лену и направился ко мне. На его лице играла едва заметная усмешка. Губы были слегка сжаты, но уголки рта поднимались, выдавая самодовольство. Он подошёл вплотную и отвесил мне пощёчину.

Шлёп.

Щека горела от удара. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, готово было вырваться из груди. В голове воцарилась пустота и, кажется, я протрезвел в этот момент. Почувствовав себя ничтожным, словно моё существование ничего не значило, отшатнулся. Внутри закипела злость, смешанная с отчаянием. Я сделал шаг вперёд и ударил его в лицо со всей силы, на которую только был способен. Мой кулак врезался ему в челюсть, и Игорь упал на землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.